

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(47).04"17"

«В ПРАВОСЛАВНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЕ УТЕСНЕНИЕ, И БОЖИИХ ЦЕРКВЕЙ ИМ СТРОИТИ И ВНОВЬ СТАВИТЕ НЕ ВОЛЬНО» (ПРОБЛЕМА ПЕРЕБЕЖЧИКОВ В РУССКО-ШВЕДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА)¹

С. В. Индеева

Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище им. ген. армии
В. Ф. Маргелова,
кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин

Статья посвящена деятельности русских дипломатических кругов по вопросу обмена перебежчиками со Швецией в первой половине XVII в. Автор показывает особенности отношений между двумя странами в XVII в., раскрывает их противоречивый характер и приходит к выводу, что, несмотря на внешние заверения в «вечной любви и дружбе», шведские правительственные круги старались вмешиваться и во внутренние дела России и навязывали свою трактовку статей мирных договоров.

Ключевые слова: *дипломатические круги, правительство, мирный договор, перебежчики, русско-шведские отношения.*

Одним из малоисследованных аспектов внешней политики России в XVII в. являются отношения со Швецией. Во взаимоотношениях между государствами есть официальная сторона – встречи и переговоры на уровне великих послов, с обязательным участием правящих монархов, с письменными договорами и т. п., где отражается внешняя сторона большой политики с сугубо «протокольными» заверениями «вечной любви и дружбы» – и неофициальная, показывающая истинное отношение государств друг к другу. Вопросы, связанные с теми, кто ушёл со своих исконных территорий, потому что они отошли к Швеции и жизнь местного населения значительно ухудшилась, – одно из важных направлений внешней политики России. Именно эта проблема является весьма актуальной и интересной, так как позволяет проследить всю сложность двусторонних отношений, а именно: трансформацию позиции Швеции по свободе вероисповедания на отвоеванных территориях, изменение отношения Стокгольма к данному вопросу – от снисхождения, когда требовалась поддержка Москвы в Тридцатилетней войне до навязывания своей точки зрения на толкование статей по правилам возврата перебежавших лиц (уже после окончания Тридцатилетней войны и Вестфальского мира); точку зрения России на положение православного населения на уступленных Швеции землях, её политику, направленную на покровительство и защиту православных шведских земель, отношение России

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук О. Д. Попова.

к вопросам вероисповедания, позицию России по этой проблеме (искреннее стремление неукоснительно следовать статьям договоров вначале и осторожная, вдумчивая политика, когда становится понятно, что Стокгольм даже и не думает вести дела согласно мирным договорам и стремится заставить русское правительство действовать в фарватере стокгольмской политики и настоящее отношение Швеции к России, стремление диктовать ей свою волю во всём.

Столбовской мир, заключённый между Россией и Швецией в 1617 г. открыл новую страницу двусторонних отношений. Россия теряет часть своих исконных земель. Договор регламентировал основные направления и определял порядок решения тех или иных проблем. Один из аспектов, оговариваемых в тексте, – проблема возврата пленных, перемещённых лиц, а также тех, кто пересёк границу, спасаясь либо от религиозных и феодальных притеснений, либо от уголовного преследования. Споры по поводу толкования статей о правилах возврата перебежчиков продолжались практически всё столетие. Швеция усиленно продавливала своё понимание того, как и кого надо возвращать, Россия отстаивала свою точку зрения, ссылаясь на Столбовской договор и на более ранний – Тязвинский. Главный аргумент русской стороны был следующий: никто не отменял решений ни Столбовского мира, ни Тязвинского, по которым выдаче подлежали только преступники, и ни у кого нет законного права переиначивать прежние правила.

Историография вопроса берет своё начало в XIX в. В то время историки сосредоточились на публикации документов, в том числе и отражающих отношения России и Швеции по проблеме перебежчиков, поэтому мало внимания уделяли анализу событий. К. И. Якубов писал, что главная причина исхода русского и карельского населения с уступленных Швеции земель – религиозные притеснения². Б. Г. Курц вовсе не выделял проблему перебежчиков в двусторонних отношениях середины века в отдельную³. Особняком стоит труд Н. П. Лыжина, который уделил внимание только процессу подписания Столбовского договора, не упоминая специально о перебежчиках, но приведённая им картина политической ситуации позволяет понять, почему двусторонние отношения складывались именно в таком направлении⁴. Г. В. Форстен специализировался на дипломатических отношениях по Балтийскому вопросу, и о перебежчиках упоминал в общем контексте⁵.

Большая работа по изучению русско-шведских отношений в XVII в. была проделана в период с 40-х по 90-е гг. XX в. Б. Ф. Поршнев⁶, О. Л. Вайн-

² Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. IV–VI.

³ Курц Б. Г. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914.

⁴ Лыжин Н. П. Столбовской договор и переговоры ему предшествовавшие с приложением актов. СПб., 1857.

⁵ Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648–1700) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898. Февраль–сентябрь; Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1894.

⁶ Поршнев Б. Ф. 1) Борьба вокруг русско-шведского союза в 1631–1632 гг. // Скандинавский сборник. Таллинн, 1956. Вып. 1; 2) Московское государство и вступление

штейн⁷, А. А. Арзыматов⁸ уделяли большое внимание дипломатическим отношениям первой половины века, но не останавливались подробно на освещении и анализе дипломатической борьбы по проблеме перебежчиков. И. П. Шаскольский в монографии по истории экономических отношений на протяжении целого столетия приводил некоторые сведения по вопросу перебежчиков, но в рамках торговых и экономических аспектов⁹. А. С. Кан подробно анализировал ход Стокгольмских переговоров 1649 г., в том числе и по проблеме перебежчиков¹⁰. Затрагивал данную проблему и А. С. Жербин¹¹.

Таким образом, в настоящее время отсутствуют работы, освещающие русско-шведские контакты по решению проблем перебежчиков и затрагивающие как дипломатический, так и политический и социальный аспекты. Именно такой вариант изучения истории отношений особенно интересен, так как позволяет глубже рассмотреть и понять их характер и особенности.

Источниковая база данной статьи – документы Посольского приказа, хранящиеся в фонде 96 «Сношения России со Швецией» Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА). Из них особенно важны статейные списки посольств, дела о приезде послов: в них присутствуют материалы переговоров, переписка Посольского приказа с воеводами пограничных городов, донесения послов, посланников и сообщения иностранных представителей. Из опубликованных источников наибольший интерес представляют материалы, опубликованные в труде К. И. Якубова, а также материалы о сыске и выдаче перебежчиков в 20–30-е гг. XVII в.¹²

Отношения со Швецией занимали важное место среди направлений внешней политики России. Это объясняется и особенностью геополитического положения и России и Швеции, и нюансами развития отношений между странами. В. Е. Возгрин отмечает: «С XVI века начинает расти значение Балтийского моря как торгового пути для сырьевых рынков и рынков сбыта готовых изделий, когда центр тяжести мировой торговли переместился от портов Средиземноморья на север и заметно увеличилось значение балтийской сырьевой базы для всей Западной Европы¹³». К XVII в. из-за небезопасности черноморского и средиземноморского торговых путей балтийский торговый путь стал главным. Главной причиной конфликтов и войн России и Швеции XVII – начала XVIII в. является стремление Шведского государ-

Швеции в Тридцатилетнюю войну // Исторический журнал. 1945. №3; 3) Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны // Известия АН СССР. 1945. № 5.

⁷ *Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.: Очерк по истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века. М., 1947.

⁸ *Арзыматов А. А.* К вопросу о русско-шведских отношениях в 1618–1648 гг. (По материалам ЦГАДА) // Скандинавский сборник. Таллинн, 1956. Вып. 1.

⁹ *Шаскольский И. П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1995.

¹⁰ *Кан А. С.* Стокгольмский договор 1649 года // Скандинавский сборник. Вып. 1.

¹¹ *Жербин А. С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

¹² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской императорской археографической экспедицией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 3. 1613–1645.

¹³ *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 годах. Л., 1986. С. 18.

ства к господству на Балтийском море и соответственно в северной части Европы, желание контролировать не только Балтийский торговый путь, но и все транзитные торговые пути, которые проходили по территории России.

Согласно Столбовскому мирному договору Россия лишалась выхода к побережью Балтийского моря, а также части исконно русских земель. В овладении балтийским побережьем было состояло главное стратегическое значение Столбовского договора для Шведского государства. По мнению многих историков (И. П. Шаскольский, А. Аттман), Столбовской договор явился поворотным пунктом во внешней политике Швеции. Н. П. Лыжин отмечал, что, несмотря на унижительный для России характер выгодного для Швеции Столбовского договора, шведский король Густав-Адольф называл Россию «опасным соседом¹⁴». Но пересматривать ограничительные статьи Столбовского мира в Стокгольме никто не собирался.

По Столбовскому договору под шведское владычество попало большое количество православного русского и карельского населения. Переселиться в Россию в двухнедельный срок было разрешено только оставшимся в уезде русским монахам, дворянам, детям боярским и посадским людям¹⁵. Практически сразу же после 1617 г. с территорий, отошедших к Швеции, началось переселение русских и карел в Россию, при этом речь идёт не только о тех, кто вышел из шведских земель в Россию в указанный двухнедельный срок, но и о тех, кто переходил границу и позже, вплоть до того, когда Россия вернула себе отнятые в XVII в. территории.

Одной из причин, вызвавшей массовый исход карельского и русского населения из областей, отошедших Шведскому королевству, было притеснение по религиозному признаку. Протестантская Швеция отличалась большей веротерпимостью по сравнению с Речью Посполитой, но всё равно новые православные подданные шведской короны не были свободны в отправлении своей религии. Внешне официальные шведские круги старались быть веротерпимыми. В 1619 г. посольство во главе с Густавом Стенбуком просило, чтобы «православной веры греческого закона игуменом и попом, и дьяконом для поставленья и благословенья приезжать к новгородскому митрополиту, а митрополиту их приимати и благословляти и разрешати в духовных делах по-прежнему¹⁶». Но это делалось больше для успокоения и московского правительства и самих православных, а «лютеранский фанатизм скоро вступил в свои права¹⁷. Очень быстро началась пропаганда лютеранства, стали чиниться помехи в проведении богослужений, в отправлении православных религиозных обрядов, доходило даже до закрытия церквей: «В православной христианской вере утеснение, и Божиих церквей им строити и вновь ставите не вольно, и многие церкви закрыты и запустели, и службы в них нет; а попом и чернецом в Новгород к богомольцу нашему к Новгородскому митрополиту для благословенья и поставленья ездить не велят и

¹⁴ Лыжин Н. П. Указ. соч. С. 79–80.

¹⁵ См.: Жербин А. С. Указ. соч.

¹⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах... Т. 3. С.146–147.

¹⁷ Якубов К. И. Указ. соч. С. IV.

от веры русских людей отводят и теснят всякими мерами»¹⁸. Для пропагандистских целей был даже специально переведён на русский и финский языки «Катехизис» Лютера, чтобы по нему агитировать новых подданных перейти в лютеранскую веру. Русское правительство уделяло большое внимание тому, чтобы православное население уступленных Швеции земель получало духовное окормление и покровительство со стороны русского духовенства. Так, в 1619 г. новгородский митрополит Макарий получил царскую грамоту с наставлением об обязательной помощи православному духовенству уступленных Швеции земель, чтобы «от немец мненья не навести»¹⁹. Митрополит Макарий, в свою очередь, также оповестил православное духовенство новых шведских земель не только о необходимости хранения православной веры, но и обещал помощь и поддержку «в духовных нуждах»²⁰.

Пропаганда и насильственное навязывание лютеранства православным жителям земель, уступленных Швеции, стремление оторвать их сознание от России, не могли не вызвать настороженности и беспокойства в русских правительственных кругах и были одной из причин напряжённости между Швецией и Россией на протяжении всего XVII в. Вопрос о необходимости предоставить православному населению право оставить свою религию, свободно и без помех отправлять религиозные обряды неоднократно поднимался на высшем уровне, но, как правило, со шведской стороны всё ограничивалось пространственными обещаниями. Религиозный фактор, один из важных в то время, оказал своё влияние на отношение новых подданных к Шведскому государству, и это отношение имело отрицательный характер. Соответственно твёрдая позиция России по религиозному вопросу вызывала симпатии у православных подданных Шведского государства. Многие из них бежали в Россию, в том числе и за тем, что здесь можно было быть свободным от религиозных притеснений. Но политика покровительства православному населению новых шведских земель вызывала симпатии и у лютеранского финского и прибалтийского населения, которые подвергались жесточайшей эксплуатации шведами. Поэтому среди перебежчиков из Швеции в Россию было много и лютеран. Как правило, шведская сторона требовала их выдачи в первую очередь, и, если это случалась, беглецы наказывались очень жестоко, в том числе и смертной казнью.

Как писал А. С. Жербин, шведы сами осознавали и понимали причины, по которым население присоединённых территорий уходило на русскую сторону: «Бежали де в царского величества сторону многие русские люди для трех причин: первое – для веры, другое – для языка и своей природы, третье – от больших податях тягости, а из Ижорские и из финские земли тож от большово отяхченья в податях и от того, что их имали насилу в салдаты»²¹. Но остановить поток переселенцев простыми уговорами или запретительными мерами не могли. Даже королевский указ казнить тех перебежчи-

¹⁸ Якубов К. И. Указ. соч. С. 274–275.

¹⁹ Акты, собранные в библиотеках и архивах... С. 146–147.

²⁰ Там же. С. 147–149.

²¹ См.: Жербин А. С. Указ. соч.

ков, которые были отданы назад русской стороной и перешли в православие, не мог исправить положение.

На дипломатическом фронте Швеция прилагала усилия для прекращения потока переселенцев, увеличивая давление на Россию. Россия, не желавшая ссор со Швецией и рассчитывавшая на её помощь в борьбе с Польшей, первое время старалась тщательно соблюдать договорённости по обмену перебежчиками. Но с годами русская политика изменилась.

В предписаниях, рассылаемых в приграничье, содержалось строгое указание выдавать шведских перебежчиков только в обмен на русских, фиксация которых велась особо тщательно. Необходимо отметить, что из России «бегали мало»²², но, как правило, и это небольшое количество людей возвращались шведской стороной очень вяло. Русская сторона, ссылаясь на то, что шведы в нарушение ранних договорённостей, сами не выдают перебежчиков, отказывалась сыскивать тех, кто перешёл границу и скрылся на территории России. Конечно, делалось это не откровенно, а с искусной дипломатической изощрённостью. Например, в 1625 г. новгородский воевода князь Ромодановский получил от царя указ не торопиться с выдачей шведской стороне перебежчиков, и даже скрывать их: «... а которые люди объявились в нашей стороне... в свейских росписях имена их не объявились, и вы бы тех людей сажали за наших в дворцовых селех в Устрецкой волости, и в иных волостях, которые от рубежа подальше... а близко рубежа жить не велели, для того, чтобы про них в свейских городех не ведали... и к нашей милости приучали ласкою и подмогою и льготою»²³.

Шведская сторона не спешила выдавать русских перебежчиков и удерживала на своей территории даже тех, кто оказался там в годы войны между странами и подлежал безоговорочному отпуску согласно последующим договорённостям. При этом не принималось в расчёт желание самих русских людей вернуться на Родину.

Судя по тому, что эту проблему московские дипломаты поднимали вплоть до 1647–1649 годов, возврат пленных и насильно удерживаемых лиц делался шведской стороной весьма неохотно²⁴. Это было характерно не только для периода после Столбовского договора, но и по заключению Кардисского мира. Шведы вообще никогда не торопились возвращать российских подданных, оказавшихся на их территории в военный период. На это неоднократно указывали русские послы. Тем не менее представители противоположной стороны не забывали на всех переговорах первой половины века и позже указывать на недопустимость нарушений этого пункта мирных договоров русской стороной и сопровождать многочисленными жалобами «державцев» на то, что в русских приграничных областях продолжают принимать и прятать переселенцев и «перебежчиков» якобы в нарушение всяких договорённостей. Причём в списки «невозвращенцев» также включались и

²² Якубов К. И. Указ. соч. С. V.

²³ Акты, собранные в библиотеках и архивах... С. 233–237.

²⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Кн. 26. Л. 80 об., 81.

те, кто вышел с территорий, уступленных Швеции до заключения договоров. Шведская сторона насильно задерживала у себя и тех, кто оказался на её территории в период военных действий (пленные, торговые люди, не успевшие вовремя вернуться на Родину). Даже те, кто сбежал в Швецию по причине совершения в России очень громких преступлений, разыскивались очень вяло, и даже чинились препятствия русским должностным лицам, прибывшим в шведскую сторону, чтобы забрать найденных преступников²⁵. Так, например, было в случае с Тимошкой Акиндиновым и Косткой Конюховым, похитившими царскую казну и выдавшими себя за сына Василия Шуйского (Акиндинов)²⁶.

Поэтому с русской стороны следуют указы приграничным воеводам внимательно изучать списки, предъявляемые шведскими властями, и при наличии несоответствий с выдачей не спешить. Что касается несоответствий, то это в первую очередь включение в шведские списки тех, кто вышел из Литовского рубежа, устные заявления о тех или иных сбежавших без наличия этих людей в подлинных списках перебежчиков, поддельные списки, выдаваемые шведскими представителями за подлинные²⁷. Поддельные списки перебежчиков, предъявляемые шведской стороной, – это один из вопросов, которые русские дипломаты задавали не только в 20-е гг. XVII в., но и гораздо позже²⁸. Скорее всего, наличие таких поддельных росписей показывает, что шведское правительство обращало не слишком пристальное внимание на проблему соблюдения законности.

Что касается России, то она вовсе не стремилась нарушать прежние договорённости, скорее наоборот, она не раз подтверждала своё стремление следовать им. На встречах представителей русская сторона неоднократно подчёркивала, что вернула назад гораздо больше людей, чем Швеция. Населению приграничных областей предписывалось не принимать шведских перебежчиков у себя под страхом «наказания жестокого», и всё для того, чтобы не спровоцировать между «державцами» ссоры. Приоритет в вопросе о том, кого оставить, а кого вернуть назад принадлежал исключительно представителям власти²⁹.

Тем не менее русским людям, оказавшимся на уступленных Швеции территориях, разрешалось навещать родственников в России и приходиться на богомолье³⁰. Однако многочисленность изданных в разные годы указов, запрещавших жителям пограничных территорий принимать перебежчиков, свидетельствует о том, что население приграничных областей поступало по-своему, несмотря на обещанное «наказание жестокое». Судя по всему, центральные власти не следили за исполнением предписаний по перебежчикам населением скорее всего и потому, что Швеция сама не следила за исполне-

²⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 26. Л. 73; Арсеньевские шведские бумаги. М., 1913. Т. 3. С. 42.

²⁶ Там же.

²⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах... Т. 3. № 165. С. 233; РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 26. Л. 74–74 об.

²⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 32. Л. 44–67 об.

²⁹ Якубов К. И. Указ. соч. С. 274.

³⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах... Т. 3. С. 147–149 (№ 108), 221 (№ 155), 261–262 (№ 179), 262–263 (№ 183).

ниями предписаний своими подданными; можно, конечно, сослаться на большую территорию страны, но, если русское правительство было заинтересовано в исполнении их приказаний на местах, оно этого добивалось³¹. Несмотря на то, что Швеция требовала от России неукоснительно соблюдать договоренности, на каждой встрече её представители напоминали и просили возвращать перебежчиков, сама же следовала установленным порядкам не везде и не всегда.

В заключение остановимся на освещении позиции населения приграничных областей. В России к иностранцам относились, с одной стороны, радушно, с другой, – с подозрением. Но такое подозрение не распространялось на тех, кто приходил в Россию, спасаясь от притеснений. Население приграничных поселений принимало у себя перебежчиков из Швеции, невзирая на их национальную принадлежность. Интересно, что в деле укрывательства таких беженцев царские указы о запрете приёма авторитетными не являлись³². Доходило даже до того, что царских чиновников, прибывших за перебежчиками, местные жители встречали весьма недружелюбно³³.

Характеризуя в целом проблему перебежчиков в отношениях России и Швеции, можно сказать следующее. Несмотря на официальные заявления о свободе вероисповедания на новых территориях, шведские власти проводили политику ущемления прав по религиозному признаку, и активного навязывания лютеранского вероисповедания на бывших русских территориях. Это вызывало недовольство православного населения и было одной из причин его исхода. Россия, в свою очередь, пыталась оказывать покровительство православным, но сил на то, чтобы заставить Стокгольм прекратить политику религиозного геноцида, у Москвы ещё не было. В 20-е – 30-е гг. XVII в. Швеции была нужна поддержка России в Тридцатилетней войне, поэтому шведские дипломаты весьма гибко пытались заставить Москву прекратить принимать перебежчиков. Как только Стокгольм вышел победителем в затяжной войне, гибкость сменилась на диктат и уже на переговорах 1649 г. Швеция требовала решить проблему именно в её пользу, невзирая на ранее принятые документы. Россия, в свою очередь, поначалу строго следовала условиям Тязвинского и Столбовского договоров, но позже, видя, что Стокгольм не торопится с выдачей перебежчиков из России, изменила позицию на более гибкую и старалась не дать Швеции навязать свою точку зрения. Население приграничных русских территорий с сочувствием относилось к переселенцам, не стремилась выдать их властям, чтобы те в свою очередь не вернули беглецов шведам. Обычно почитавшие государство русские подданные часто шли на нарушение царских указов и распоряжений, если это касалось перебежчиков, нередко покровительство в этом оказывали и местные власти.

³¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах... С. 179 (№ 127), 288 (№ 203), 400 (№ 263).

³² Якубов К. И. Указ. соч. С. 280–285.

³³ Там же. С. 280–289.

Список литературы

1. *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 годах. Л., 1986.
2. *Жербин А. С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск. 1956.
3. *Лыжин Н. П.* Столбовской договор и переговоры ему предшествовавшие с приложением актов. СПб., 1857.
4. *Якубов К. И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897.

«V PRAVOSLAVNOY HRISTIANSKOY VERE UTESNENIYE, BOZGIIH TCERKVEY IM STROITI V VNOV' STAVITE NE VOL'NO» (PROBLEM DEFECTOR RUSSIAN-SWEDISH RELATIONS FIRST HALF OF XVII CENTURY)

S. V. Indeeva

Ryazan Air-Born Troops Military Institute, the department of the humanities and natural sciences

The article is devoted to Russian diplomatic circle's activity on the question of exchange of turncoats between Russia and Sweden in the first half of the 17-th century. This topic is considered in connection with the history of Russian-Swedish relations in this century. Author shows the peculiarities and conflicting character of relations between two countries and came to the conclusion that in spite of the superficial assurance in «love and friendship», Swedish officials did their best to interfere with Russian internal policy and forced their own ideas upon articles of the pacts.

Keywords: *diplomatic circle, government, pacts, defectors, russian-swedish relations.*

Об авторе:

ИНДЕЕВА Светлана Викторовна – Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище им. ген. армии В. Ф. Маргелова, кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, e-mail: svetlana-indeeva@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2012